

«БОРИС СЛУЦКИЙ: МАЙОР И МУЗА»

(глава из книги Ильи Фаликова. Серия «ЖЗЛ». Москва, 2019)

...Весной 1961-го Слуцкий получает письмо из Алма-Аты от Олжаса Сулейменова. Это было ярчайшее, кометоподобное имя поэтических шестидесятых.

Но для начала – предыстория этой дружбы, в увязке с другими именами.

О. Сулейменов: <...> Помню, году в 59-м я подошёл к классику советской поэзии Илье Сельвинскому, вручил ему тетрадку своих первых стихов. Он посмотрел. «У вас есть профессия?» – «Есть. Я геолог». – «Вот и занимайтесь геологией. Стихи у вас всё равно не получатся». О! Вот после этого я начал писать!

Через три года, 17 декабря 1962 года, состоялась знаменитая встреча Хрущева с творческой интеллигенцией. Он собрал

на Воробьёвых горах триста человек и высказывал нам свои взгляды на искусство. Мы сидели за накрытыми столами, перед каждым стояла бутылка сухого вина. Напротив меня сидел Сельвинский. Он долго меня разглядывал. Наконец, говорит: «Молодой человек, у вас очень знакомое лицо». – «Я подошёл, – отвечаю, – к вам однажды в литературном институте, занял 25 рублей. Теперь хочу отдать». – «Да-а-а, я многим помогал!» Он действительно мне тогда помог – но не деньгами, а своей оценкой моих стихов. Я выложил ему четвертак, он взял.

С. Янышев: Выходит, вы брали у него старыми деньгами (до деноминации 1961 года), а отдавали новыми!

О. Сулейменов: Мы всегда отдаём новыми. Так же точно, когда я написал «Аз и Я», мне всюду – и в Академии наук, и на Бюро ЦК – наперебой говорили: пишите стихи, не занимайтесь больше лингвистикой, не занимайтесь историей... Вот тогда я стихи перестал писать (1975 год. – И. Ф.). И начал заниматься историей. И лингвистикой.

С. Янышев: А какие ещё значимые встречи были в вашей жизни?

О. Сулейменов: Была замечательная встреча с поэтом Борисом Слуцким. Когда у меня кончались студенческие деньги, я поднимался на четвёртый этаж общежития, там жила моя подруга Суламита из Литвы. Девочки, они более экономные, у них всегда было что перекусить. Эта Суламита завела конторскую тетрадь, которую клала передо мной: «Напиши стихотворение, тогда покормлю». И куда она жарила на кухне котлеты, я сочинял. И так, между прочим, набралась целая тетрадка стихов. Она взяла и отнесла эту тетрадку Слуцкому.

И однажды: «Борис Абрамович тебя приглашает». Мы зашли к нему домой, он покормил нас, полистал тетрадь и говорит: «Я хочу, чтобы вы подарили мне одну строчку». – «Да всю тетрадь забирайте!» – отвечаю. «Нет, только строку. Я пишу сейчас о своём друге Назыме Хикмете – и никак не могу начать. Не знаю, от чего оттолкнуться. А ваша строчка “Ребята, судите по мне о казахах” сразу породила нужный ритм и всё прочее». – «Пожалуйста, – говорю, – бери-

те». Я действительно с тех пор эту вещь нигде не публиковал и совсем о ней забыл. Слуцкий же написал очень хорошее стихотворение: «...судите народ по поэту. / Я о турках сужу по Назыму Хикмету. / По-моему, турки голубоглазы...» и так далее. Слуцкий отнёс этот мой сборничек своему другу Леониду Мартынову. Тот сделал подборку для «Литературной газеты» и пожелал мне «доброго пути». С этой публикации началась целая традиция «доброго пути», а также – моя поэтическая карьера. Было это летом 1959 года.

Итак, письмо Олжаса Сулейменова:

Здравствуйте, Борис Абрамович!

Простите, что мне не удалось к вам дозвониться перед отъездом («вам» я писал не с заглавной не ради оригинальности. Прошу прощения. Ночью 2 февраля я не посмел звонить, а утром было поздно). Вам – запоздалое «спасибо» за доброе отношение, которым я был награждён так недавно. Приехав в Алма-Ату, я пытался пустить в редакциях слух, что благополучно перешёл на заочное, но меня встретили слишком вежливо, и я понял – «узын кулак» уже сработал («уз. кул.» – длинное ухо – подстрочный перевод. «Беспроволочный телеграф» – смысловой, художественный). До меня дошли слухи, что я бил Шав. вначале бутылками, потом сбросил с лестницы, потом разбил ему нос и в конце добил тремя топорами. Здесь всему верят, кроме разбитого носа. Месяц хожу по редакциям насчёт устройства, все кричат, что они страшно рады, но мест нет. Чему рады, так и не ясно. Наше высшее заведение, оказывается, написало о причинах моего отбытия из Москвы вплоть до ЦК КП Казахстана. Я стал важной персоной. Достаточно обидеть одного подлеца, как о тебе начинают говорить даже в этих организациях. Аллаху, наверное, тоже отписали. Если так, то зря. Аллах заступится за грешника. В редакции журнала «Простор» я завязал дискуссию о вашем творчестве. Когда я намекнул им, что знаком с вами лично, зав. отделом прозы Михаил Роговой, человек, убелённый не одной сединой, страстно пожелал стать моим поклонником. Вас, Борис Абрамович, в Алма-Ате очень знают и спорят о Вас. Я даже удивился – мой любимый город обычно не читает стихов, а тут!.. После этого разговора меня начали представлять начинающим графоманам как московского поэта и под шумок заставляют бесплатно писать ответы на корреспонденцию журнала. Дочке моей уже 2,4 года. Я её учу говорить – «Папа – дурак». Получается. Пишу вам и отдыхаю. Честное слово! Нан урсын! («Пусть хлеб ударит» – подстрочный перевод.) Простите мою игривость. Проветриваюсь. Сейчас, после письма, начну одну работу. Если буду в Москве, покажу её вам. Настроение бодрое... Всё – в сторону, буду писать серьёзную вещь. Если не допишу – считайте коммунистом. Но обязательно допишу. Как вы сами? Здоровье? И вашей семьи? Я очень жду ответа – «как лета». Честное слово, каждая весть из Москвы меня страшно радует, даже если новость не из самых приятных. Напишите, если будет время.

Ваш Олжас

P.S. Привет горячий Леониду Николаевичу Мартынову <...>

С прошедшим праздником Вашу жену. Я не знал адреса и не мог дать телеграммы. И потом – имя-отчество. Борис Абрамович! Только сейчас вспомнил. Не подумайте, ради аллаха, что письмо написано ради этой просьбы. Не смогли бы вы прислать мне коротенькую рекомендацию в Союз Казахстана. Ваше слово может сыграть первую партию (Москва меня отвергла, и Москва не рекомендует). И потом, просто хотелось бы мне самому. Не огорчайтесь, если не сможете. Напишите ответ. Очень жду.

Ещё раз – Ваш Олжас
10 марта 1961
Алма-Ата

В рамочке в углу листа:

Алма-атинская публика просит Ваших стихов.

Я – её рупор. Это самая дерзкая моя просьба.

Прошу (в этом письме получают сплошные «прошу»).

Я буду их читать широкому кругу друзей и знакомых.

Не литераторам.

Это было не единственное письмо от Сулейменова. В 1962-м, без точной даты, он информирует Слуцкого:

Недавно вышла моя книжка «Солнечные ночи». Полтора месяца её сигнальные экз. лежали в высоких инстанциях. Наши испуганные казахи решили, что она недостаточно интернационалистична и на многих обсуждениях в Союзе, издательстве и в ЦК показывали мне свои знания марксизма. И грамматики. Кстати. Инструктор ЦК Изотов, человек, переживший 5 первых секретарей (он руководит работой Союза писателей и издательства), написал против нескольких стихотворений своё личное мнение и мнение органа, который он представляет – «Поцифизм»!!! Красным карандашом. Когда я ему это заметил, он стал защищаться: «Вы что? Думаете, что я идиёт?»

Я сказал – пусть лошадь думает, а я говорю не думая. После чего дали читать секретарю ЦК Джандильдину. Тот накричал на меня и на Изотова, и на всех – у человека сев срывается, целина горит, а тут с какой-то брошюрой!.. Но всё-таки прочёл, побоялся – и дал команду «Вперёд».

Но всё-таки несколько вещей выбросили, несколько поправили, и сейчас я её держу в руках. Тираж у ней три с половиной тысячи. Для меня главное – что вышла. А в Москву я ездил как делегат съезда комсомола. Попал в общезжитие, встретил друзей и не попал ни на одно заседание съезда. Меня сейчас и за это греют.

Я сейчас член Союза.

Борис Абрамович, напишите своё мнение. Мне здесь совершенно не с кем посоветоваться, войдите в моё положение. Скучно очень. Сейчас отвожу душу на письмах. Сегодня pošлю книжки Вам, Мартынову и Эренбургу. Начну собирать автографы, как и подобает провинциалу.

До свиданья. Жму руку, любящий Вас Олжас

Его стиховые книги, изданные в Алма-Ате, передавались из рук в руки, и ещё громче стихов прозвучала книга «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя»: его лингвистика, основа которой – поэтический подход к языку «Слова о полку Игореве», обнаружение тюрко-русского билингвизма на Руси, двуязычия автора «Слова» и тому подобное, в результате чего научная среда во главе с благородным академиком Лихачёвым дала отповедь азийским фантазиям дерзновенного дилетанта.

Было многое. И диковинная отрасль науки «тюркославистика», им основанная, и утверждение приоритета тюрков в доисторической Месопотамии, и шумные наезды в Москву с появлением в гостиничном номере милицейского наряда, и автоавария под Алма-Атой, в которую они с Вознесенским попали совместно, и триумфальные выезды в Америку и Европу, и общественная деятельность, связанная с запрещением ядерных испытаний на родной земле в Семипалатинске и вообще во всём мире от Невады до тихоокеанских атоллов, и головокружительная карьера – депутатство во всяческих верховных советах, делегатство на всяческих съездах, секретарство в писательском союзе, ранг казахстанского посла в Риме (по совместительству в Греции и на Мальте), и наконец – Париж: представительство в ЮНЕСКО в качестве Посла...

Автор писем прожил бурно и живёт долго. Это фейерверк, можно ослепнуть.